

О РОЛИ «НАЦИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛИЗМОВ» В РЕВОЛЮЦИЯХ СТРАН ВОСТОКА

Н. А. Симония

Развитие Востока давно уже показало нам многие черты, сходные с общественным развитием стран Запада. Это отмечал в начале века еще В. И. Ленин. И события сегодняшнего дня приносят все новые и новые свидетельства того, что искусственная стена, воздвигнутая колониализмом между Востоком и Западом, неуклонно разрушается под ударами могучих мировых революционных процессов. Подъем революционного движения в странах Азии и Африки, определенное своеобразие социально-политической обстановки в ряде стран этих районов неизбежно выдвинули перед марксизмом-ленинизмом на передний план такие аспекты исторического процесса, которые до этого были несколько отодвинуты в сторону развитием международных событий в Европе. И это естественно, ибо марксизм — живая наука, всегда связанная «с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории»¹. Бурное развитие национально-освободительного движения за последние два десятилетия и победы освободительных революций вызвали стремление разобраться в сложных и противоречивых явлениях общественно-экономической и политической жизни стран Востока, что, в свою очередь, способствовало усилению интереса к вопросам теории, попыткам нового осмысления отдельных ее положений. Отражением этого было появление за последние годы большого количества статей и книг, посвященных анализу общих и частных проблем национально-освободительных революций. Настоящая статья затрагивает лишь один из аспектов современных национально-освободительных революций, а именно идеологический аспект, хотя, разумеется, и эта частная, но важная проблема не может быть рассмотрена в рамках одной работы с достаточной полнотой.

Одна из черт современных национально-освободительных революций Востока состоит в широком распространении в восточных странах различного рода «национальных социализмов». Совершенно очевидно, что это явление в значительной мере связано с гигантскими изменениями, происшедшими в мире за последние десятилетия, с созданием мировой социалистической системы, ростом международного революционного движения. Невозможно усомниться в том огромном влиянии, которое оказывают эти факторы на формирование национальной идеологии в странах Азии и Африки. Ведь достижение политической независимости означало, в частности, и фактическое устранение той глухой стены в виде военно-полицейской колониальной надстройки, с помощью которой империалисты пытались уберечь свои владения от «разлагающего» влияния революционных идей. Важно, однако, выяснить и другое: в какой мере широкое распространение «национальных социализмов»

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 84.

связано с внутренним общественно-экономическим развитием стран Востока.

Прежде всего следует подчеркнуть, что всеобщее увлечение социалистическими лозунгами и теориями — явление не новое и характерное не только для современных национально-освободительных революций. Исторический опыт многих буржуазно-демократических революций прошлого свидетельствует о том, что и в странах Европы в периоды, когда они переживали разложение феодализма и раннекапиталистического развития, имело место подобное увлечение социалистической фразеологией и социалистическими теориями. В те времена буржуазный характер происходившего переворота мало осознавался широкими массами и выразителями их чаяний в литературе, но даже в тех случаях, когда он осознавался кем-то из них, то отвергался как «неверный» и «порочный». В «Манифесте Коммунистической партии», «Классовой борьбе во Франции» и многих других произведениях К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что и тогда представители самых различных классов — феодалов, буржуазии, мелкой буржуазии и несамостоявшегося еще пролетариата — становились под знамена многочисленных разновидностей ненаучного социализма, преследуя при этом собственные социальные интересы. Широкое распространение такого рода социалистических учений было следствием недостаточной развитости материальных условий и классовых отношений тогдашнего буржуазного общества, что делало невозможным появление научного социализма. Социализм, отражавший интересы трудящихся масс, перестал быть утопией, набором гениальных догадок лишь позднее, когда само развитие материальных условий общественной жизни, развитие производства создало объективную базу для возникновения научного социализма. Ведь не случайно, что не Франция или Германия, а именно страна классического развития капитализма — Англия, которая уже к середине XIX в. обнаружила некоторые черты империализма, послужила основой для написания «Капитала».

С развитием капитализма в Европе исчезла и объективная общественно-экономическая основа для существования непролетарских социализмов. Поэтому в Европе «к концу первого периода (1848—1871), периода бурь и революций, домарковский социализм умирает»². Однако изживание ненаучных социализмов в одних странах и районах не исключало их возрождения в других странах и районах при соответствующих общественно-экономических условиях. Ныне аналогичное явление — возникновение «национальных социализмов» — мы находим в освободившихся странах Востока. Отсутствие внутренних материальных условий для распространения идей научного социализма и неразвитость классовых противоречий вызвали здесь переживание и воскрешение различных форм домарковского социализма. То обстоятельство, что эти учения выступают не в виде общезначимых теорий, а именно в форме «национальных» концепций, будет рассмотрено несколько ниже. Здесь же хотелось бы подчеркнуть, что за внешней спецификой и различием формы, в которой выступают эти концепции, скрывается их довольно определенная социальная направленность. И это является главным моментом, определяющим историческую значимость «национальных социализмов». Всеобщая увлеченность лозунгами социализма на этапе национально-демократической революции, тот факт, что различные классы выступают не под своими собственными флагами, не составляют какой-то особенности, отличающей революции стран Востока от буржуазно-демократических революций прошлого. Подобные явления отражают внутреннее переходное состояние в общественном развитии соответствующих стран, то состояние, когда рушится самодержавная власть (в «чистом» ли, европейском

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 2.

ее виде, или в «колониальном оформлении») и когда перед всеми классами встает вопрос о построении нового общества.

Факт широкого распространения различного рода «социализмов» является лишь идеологическим отражением социально-экономических и политических процессов, происходящих в обществе. При этом неважно, представляют ли собой эти теории слабо завуалированное заимствование у других народов или происхождение их самобытно. Разумеется, мир взаимосвязан, а для идей не существует границ. Появление некоторых «социалистических концепций» исключительно под влиянием общей международной атмосферы, путем механического заимствования возможно и в таких странах, где еще (или уже) нет для этого соответствующей исторической обстановки. Так было, например, когда в начале XIX в. немецкие философы стали увлекаться социалистической и коммунистической литературой Франции, стоявшей в то время на более высокой ступени развития, в результате чего, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «в немецких условиях французская литература утратила все непосредственное практическое значение и приняла вид чисто литературного течения»³. Так происходит и сейчас, например, с правосоциалистическими учениями в большинстве стран Востока.

Реформистское социал-демократическое течение есть продукт высоко развитого западноевропейского капитализма. Попытка незначительных групп интеллигенции (преимущественно аристократического происхождения) насадить правый социализм в условиях капиталистически недостаточно развитой социальной структуры большинства стран Востока не увенчалась сколько-нибудь заметным успехом. Лишь в таких сравнительно развитых в капиталистическом отношении странах, как Индия или Сингапур, правосоциалистические партии представляют довольно внушительную силу (в Сингапуре правые социалисты стоят даже у власти). Во многих же других странах Востока правые социалисты очень быстро утратили свое «непосредственное практическое значение». Так случилось, например, с Социалистической партией Индонезии (СПИ), возглавлявшейся Сутаном Шариром. Эта партия поначалу оказывала большое влияние на политическую жизнь Индонезийской республики, что объяснялось прежде всего личным влиянием Шарира, бывшего активным борцом антияпонского подполья. Однако по мере того, как подлинная социальная направленность «социалистического учения» Шарира становилась очевидной для все более широких кругов индонезийской общестственности, влияние СПИ быстро уменьшалось. В конце концов она была оттеснена на задний план, а затем (в 1960 г.) и вовсе запрещена. Аналогичная судьба постигла правый социализм и в Бирме.

Если возникновение соответствующих социализмов прошлого и настоящего вызвано схожими внутренними общественными условиями, то различие всемирно-исторических эпох, в которых происходило их зарождение, не могло не привести к определенным отличиям в характере их эволюции и объективной исторической значимости. Правда, отличия эти далеко не во всех случаях одинаково глубоки и принципиальны. Так, в период ранних буржуазных революций прошлого феодальный социализм представлял собой тщетную попытку аристократии выдать свою злобу против утверждающегося буржуазного общества, за защиту интересов рабочего класса. Не то чтобы у аристократии могло действительно быть какое-то единство интересов с рабочим классом. Наоборот, в политической практике она охотно участвовала в подавлении его выступлений. Дело, однако, в том, что непосредственным ее противником на раннем этапе освободительного движения выступала буржуазия. В этом отношении весьма интересно следующее замечание К. Маркса, звучащее весьма актуально и сегодня: «Ортодоксальный католик относится к ор-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 451.

тодоксальному протестанту более враждебно, чем к атеисту, точно так же как легитимист относится к либералу более враждебно, чем к коммунисту. И это не потому, что атеист и коммунист более родственны католику и легитимисту, а потому, что атеист и коммунист еще более чужды католику и легитимисту, чем протестант и либерал, ибо они стоят *вне* его круга. Король прусский, как политик, имеет в области политики свою непосредственную противоположность в либерализме. Пролетариат, как противоположность, так же мало существует для короля, как король — для пролетариата. Только в том случае, если бы пролетариат уже достиг значительной силы, он заглушил бы все другие антипатии и политические противоположности и навлек бы всю политическую вражду на себя»⁴. В современных национально-освободительных революциях после завоевания независимости соответствующие элементы местной аристократии выступают чаще под знаменами правосоциалистических партий. Таковы Аит Ахмед в Алжире, У Чжо Нейн в Бирме или Сутан Шарир в Индонезии. Вместо антикапитализма в прошлом — антикоммунизм в настоящем; вместо опоры на монархическую Европу — опора на империалистический Запад.

Буржуазный социализм также стремится выдать классовые интересы буржуазии за интересы пролетариата. В прошлом представители буржуазного социализма, выражавшие интересы промышленно-торговой фракции буржуазии, находились в оппозиции к господству финансовой аристократии, опиравшейся на союз с монархией. В настоящее время представители этой фракции буржуазии (правящие круги Индии, У Ну в Бирме до 1962 г.) противостоят национальному крупному или даже монополистическому капиталу, выступающему в тесном союзе с иностранными монополиями. Как в прошлом, так и в настоящем его представители стремятся излечить общественные недуги для укрепления буржуазного общества, хотят предотвратить обострение классовой борьбы, приглушить те элементы, которые революционизируют и разлагают буржуазное общество. Существуют, однако, и серьезные различия в общественном положении выразителей буржуазного социализма в прошлом и настоящем. Восхождение промышленной буржуазии европейских стран к вершинам политической власти происходило в соответствии с ростом и укреплением ее господствующего положения в экономике этих стран. Так было в Англии, во Франции или в Германии. «Господство промышленной буржуазии, — отмечал К. Маркс, — возможно лишь там, где современная промышленность преобразовала по-своему все отношения собственности»⁵. Лишь в некоторых случаях и на короткое время политическим представителям торгово-промышленной фракции буржуазии удавалось «преждевременно» утвердиться у власти, как это имело место, например, во времена французских революций (жирондисты с августа 1792 по июнь 1793 г., группа «National» в мае—декабре 1848 г.) или в Германии (правительство Кампгаузена и Ганземана в марте—июне 1848 года). Такого рода правление либеральной буржуазии было, как писал Ф. Энгельс, «лишь переходной ступенью, от которой страна — в зависимости от того, какой оборот приняли бы события, — должна была или подняться на более высокую ступень, достигнув единой республики, или же снова скатиться к старому клерикально-феодальному и бюрократическому режиму»⁶. Исторический опыт свидетельствует, что правление либеральной буржуазии было именно той ступенью, которая вплоть до 1917 г. приводила в конечном счете к победе контрреволюции. Потребовались многие и многие десятилетия, прежде чем в процессе стихийного развития капитализма был создан тот социально-экономический базис,

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 431—432.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 17.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 47.

на основе которого произошло утверждение политического полновластия промышленной буржуазии.

В современную эпоху эта классическая схема общественного развития претерпевает порой существенные изменения даже в тех странах, которые не вступили на некапиталистический путь развития. Характерным примером в этом отношении является Индия, где утверждение у кормила власти представителей торгово-промышленной буржуазии не явилось кратковременным и не представило собой «переходной ступени» к торжеству контрреволюции. Современный опыт капиталистического развития некоторых из освобожденных стран показывает нам, что в отдельных случаях и в определенной мере национальная буржуазия может использовать плоды капиталистической цивилизации, достигнутые высокоразвитыми странами Европы и Америки. Наиболее наглядным свидетельством тому служит широкое распространение и материализация идеи госкапитализма почти во всех странах Востока. Вот почему характерной чертой буржуазных социалистов сегодня является не только увлечение социалистической фразеологией, но и всемерное использование (в допустимых для буржуазии пределах) нетипичных для классического капитализма методов и форм хозяйствования для ускорения экономического развития (планирование, создание обширного государственного сектора и т. п.). Безусловно, одна только возможность заимствования достижений развитых стран еще далеко не достаточна для серьезных сдвигов в характере капиталистического развития стран Востока. Необходим все же и известный уровень развития самой буржуазии. Поэтому не всегда представители буржуазных социалистов, пришедшие к власти в ходе освободительной революции, бывают в состоянии или хотят эффективно использовать ее и оказываются в конце концов оттесненными в сторону. Так именно и произошло в марте 1962 г. в Бирме с правительством У Ну. Но и в данном случае это правительство оказалось той «переходной ступенью», с которой бирманское общество поднялось в своем развитии на более высокий уровень, вступив на некапиталистический путь развития.

Неразвитость классовых противоречий, связанные с этим иллюзии единства народа — вот та благоприятная почва, на которой возникали в прошлом и возникают в настоящем мелкобуржуазные социализмы различного толка. В своей критике буржуазного строя они отражают мелкобуржуазную точку зрения. Стремление к мещанскому благополучию или идеализация преобразований, не выходящих из рамок мелкобуржуазных отношений, — главные черты этих социалистических учений.

В эпоху перехода от феодализма к капитализму значение мелкобуржуазных социализмов всегда и безусловно стояло в обратном отношении к историческому развитию. По мере общественного развития, углубления и обострения классовых противоречий мелкобуржуазные социализмы, поначалу носившие объективно революционный характер, начинают лишаться всякого практического смысла и становятся реакционными. На этапе раннекапиталистического развития, в период вызревания или свершения буржуазно-демократической революции подобные социалистические концепции, несмотря на примитивность критики капитализма, являются прогрессивными, как первая революционно-демократическая постановка вопроса о капитализме. Хорошо известно, какое большое влияние оказали взгляды радикального мелкобуржуазного просветителя Ж.-Ж. Руссо на демократические идеи якобинцев, а следовательно, и на ход Великой французской буржуазной революции. Однако эта же революция показала всю иллюзорность мелкобуржуазных концепций, а ее последующее развитие выявило преходящий характер их прогрессивности. Уже Сисмонди дал нам классический образец утопического и вместе с тем реакционного мелкобуржуазного социализма.

В современную эпоху мелкобуржуазные социализмы могут, хотя и не всегда, приобрести (и безусловно имеют) иное историческое значение. Благодаря силе примера, идеологическому воздействию научного социализма и ряду факторов внутреннего развития представители революционной демократии могут искать теперь выхода не в прошлом, а в настоящем. Раньше процесс изживания утопических мелкобуржуазных иллюзий мог совершаться лишь на основе и по мере капиталистического развития. В современную эпоху изучение опыта социалистических стран открывает перед революционными демократами возможность идти в ногу с всемирно-историческим развитием, постепенно сближаясь с научным социализмом. Разумеется, что при этом необходимым и решающим условием такого поворота революционной демократии к социализму является предварительное размежевание ее со своей национальной буржуазией. Конечно, тот факт, что вне развивающихся стран уже давно возникли и нашли практическое осуществление идеи научного социализма, не мог сразу привести к автоматическому восприятию этих идей народами или хотя бы более или менее широкими слоями трудящихся стран Азии. Недостаточный уровень социально-политического развития, неразвитость и политическая отсталость масс, засилье докапиталистических пережитков, остатки империалистического влияния и другие подобного характера факторы препятствовали этому и делали неизбежным для развивающихся стран прохождение через более или менее продолжительный период изживания отсталых форм социалистических учений.

Это закономерно. Когда Россия, отставшая в своем развитии от капиталистических стран Запада, вступала в эпоху демократического поворота, научный социализм уже существовал. Но и ей пришлось пройти через этап борьбы с различного рода буржуазными и мелкобуржуазными социализмами. И тем не менее существование в мире научного социализма открывало новые возможности для социально-политического развития России, для необычайного ускорения этого развития. Представителям революционного движения трудящихся в России не было нужды ждать, пока экономические отношения в их собственной стране разовьются настолько, что позволят им самим доработаться до основ научного социализма. Ведь в их распоряжении было такое богатое наследство, как гигантский опыт Европы. Русские социал-демократы начинали не с пустого места: «стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы»⁷, — говорил В. И. Ленин. Он указывал, что «русские рабочие, предъявив в 1905 году необыкновенно сильный, невиданный спрос на лучшие произведения лучшей в мире социал-демократической литературы и получив неслыханное в иных странах количество переводов и изданий этих произведений, тем самым перенесли, так сказать, на молодую почву нашего пролетарского движения ускоренным образом громадный опыт соседней, более передовой страны»⁸. В связи с вышесказанным следует обратить внимание на тот огромный интерес к произведениям В. И. Ленина и к практическому опыту нашего социалистического строительства, который часто отмечают иностранные наблюдатели, посещающие такие страны, как Алжир, Бирма или ОАР. Поверхностная, упрощенческая точка зрения состоит в том, что прогрессивность, революционность той или иной социалистической концепции оценивается в зависимости от степени внешней схожести тех или иных ее теоретических положений с научным социализмом, вне связи с той объективной практической ролью,

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 10, стр. 14.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 104. Позже в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин вновь подчеркнул эти мысли: «Благодаря вынужденной царизмом эмигрантнице революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» (ПСС. Т. 41, стр. 8).

которую эта концепция играет в конкретно-исторических условиях данной страны.

Выше уже отмечалось, что различного рода непролетарские социалистические учения в странах Востока возникали в самобытных, национальных «одеждах». Говорят обычно об «арабском» и «африканском», «индонезийском» и тому подобным «социализмам». Причину этого явления следует, очевидно, искать главным образом не в субъективных устремлениях основоположников «национальных социализмов», а в объективных условиях возникновения этих учений. Здесь прежде всего необходимо указать на тот факт, что учения эти формировались в ходе национально-освободительной борьбы народов бывших колониальных и полуколониальных стран. Это была естественная реакция ранее угнетенных народов, впервые получивших возможность самостоятельного мышления и исторического творчества. Появление «национальных социализмов» отражало, таким образом, потребность в национальном самоутверждении и представляло собой один из моментов превращения этих народов из объектов в субъекты всемирного исторического процесса. Длительное время колонизаторы насаждали в своих владениях рабскую идеологию, стремясь убедить угнетенные народы в их мнимой неполноценности и якобы неизбежной обреченности на длительное пребывание в состоянии отсталости. Опыт национально-освободительной борьбы свидетельствует о том, что процесс освобождения от оков этой реакционной чужеземной идеологии чаще всего содержит в себе более или менее продолжительные моменты отрицания всякого чужеземного наследия вообще. Это происходит, в частности, из отсталости широких народных масс, познавших до своей независимости лишь «культуру» насилия и угнетения. Процесс ликвидации колониального наследия — это многогранный процесс, и завоевание политической независимости далеко не устраняет еще той объективной основы, на которой происходит зарождение националистических элементов в идеологии освободившихся народов. Гигантский разрыв в уровнях развития молодых государств и бывших метрополий не может быть преодолен одним махом. Существование этого объективного противоречия и способствует, в частности, сравнительно длительному сохранению националистических тенденций.

Появление «национальных социализмов» является идеологическим отражением практических попыток молодых государств Востока найти какой-то особый, отличный от уже известных человечеству путь общественного развития. Сохранение остатков докапиталистических укладов и некоторое оживление древних традиций лишь укрепляют мнение некоторых кругов интеллигенции Востока о мнимой неприменимости в их странах западных идеалов и моделей развития. Однако практика же убеждает и в обратном, а именно в том, что невозможно вырваться из нищеты и отсталости без кардинального общественного переустройства. Это же последнее возможно лишь на основе заимствования и переработки всех тех материальных и духовных ценностей, которые создало человечество в ходе своего развития. Рано или поздно сторонники «особых» путей развития убеждаются, что от существующего в их странах уровня развития нельзя двигаться вперед, не двигаясь либо к социализму, либо к капитализму. И вопрос, стало быть, в выборе одного из этих двух путей, а не в придумывании нового, «третьего пути».

Современный исторический опыт таких, например, стран, как ОАР, свидетельствует о том, что возникновение некоторых «национальных социализмов» отражает порой лишь преходящую незрелость самого революционного движения, которая изживается лишь в ходе революционной практики. Конечно, отшлифованность мысли и правильность теоретических положений являются свидетельством зрелости представителей той или иной мелкобуржуазной социалистической теории. Но сама по себе

идеологическая зрелость абстрактна. Она одинаково легко может быть направлена и на искреннее служение интересам трудящихся масс, и на демагогический обман этих масс. Именно поэтому теоретические воззрения представителей того или иного мелкобуржуазного социалистического учения не могут рассматриваться в отрыве от их практической деятельности и политической роли в жизни страны. Только такой подход даст возможность выяснить, является данная концепция знаменем революционной борьбы или же ширмой, сбивающей с толку общественное мнение и играющей на руку реакционным элементам.

Не следует думать, что для мелкобуржуазных социалистических учений в современную эпоху существует лишь одна перспектива эволюции — в сторону научного социализма. Возможность оказаться не ступенью в восходящем развитии общественной мысли, а тормозом общественного развития вообще отнюдь не исключена для них и в настоящее время. В некоторых случаях подчеркивание национальной исключительности, стремление к самобытности оказываются настолько сильными, что приводят к практическим (но от этого не менее утопичным) попыткам насильственно втиснуть современную реальность в рамки традиционных общинных или иных отношений. Можно понять, когда Робеспьер и его последователи, выражавшие интересы трудящихся масс, не находя ответа в окружающей их действительности и потому не зная, «как это делается», пытались втиснуть французское общество конца XVIII в. в рамки античной демократической республики, пытались построить по античному образцу политическую верхушку общества, буржуазному развитию которого они объективно способствовали. Когда же в нашу эпоху некоторые мелкобуржуазные социалисты в поисках выхода упорствуют в сохранении традиций прошлого, то при этом в жертву неизбежно приносятся интересы революции, а за ширмой национальной самобытности начинают вызревать махровые цветы реакционных тенденций. В некоторых случаях игнорирование обострения и углубления классовых противоречий превращается из невинного самообмана в обман других. Нисколько не предотвращая развития капитализма, такие «национальные социализмы» лишь придают ему новые реакционные черты.

Оценка сущности и роли мелкобуржуазных социалистических учений бывает особенно сложной в тех странах, где одна и та же концепция используется различными, иногда диаметрально противоположными по своему устремлениям социальными и политическими группами. В настоящее время это особенно характерно для «старых» мелкобуржуазных социализмов, возникших еще до или в канун второй мировой войны. Так, например «социализм» баасистов в Сирии и Ираке объединял под своими знаменами самые различные фракции мелкой буржуазии. Левое крыло этой социалистической партии составляла прогрессивная революционная демократия, крайнее правое крыло — реакционные националистические элементы фашиствующего толка. Середину между этими двумя крайностями заполняло собственно мелкобуржуазное неустойчивое «болото» наподобие того, как это было в якобинском конвенте в 1793—1794 годах. Колебания этого «болота» в немалой степени способствовали попеременному выдвиганию на авансцену политической жизни Сирии и Ирака то одной, то другой фракции и порой серьезно влияли на позиции их лидеров. Совершенно очевидно, что в подобных случаях конкретно-историческая оценка и практическое значение одной и той же «социалистической концепции» меняются в зависимости от принципиальных сдвигов в руководстве партии, отражающих, в свою очередь, изменение соотношения сил между различными фракциями мелкой буржуазии. Например, в результате последнего переворота в Сирии 23 февраля 1966 г. к руководству партией и страной пришли прогрессивные революционно-демократические силы, стремящиеся наполнить социалистические лозун-

ги баасистской программы реальным социально-экономическим и политическим содержанием.

Весьма своеобразная ситуация сложилась и в Индонезии. Мелкобуржуазная социалистическая концепция «мархаэнизма», ныне известная больше под названием «индонезийского социализма», долгие годы служила знаменем лишь революционно-демократического крыла индонезийской мелкой буржуазии. По мере того как в 1957—1960 гг. в Индонезии происходил процесс ликвидации буржуазного парламентаризма и ограничения политического либерализма, «индонезийский социализм» превращался в господствующую идеологию в стране. Однако идеологическое господство этой весьма прогрессивной по своему теоретическому содержанию концепции длительное время не подкреплялось соответствующим господством подлинной революционной демократии в государственном аппарате и экономической жизни страны. В этих условиях представители самых различных классов и социальных прослоек, включая бюрократов-капиталистов, различных фракций буржуазии и мелкой буржуазии, определенной части пролетариата, стали использовать и приспосабливать для себя концепцию «индонезийского социализма». Такого рода «обогащение» социальной основы этой концепции не могло не способствовать росту реакционных бюрократических тенденций в общественной жизни страны, а следовательно, и регрессивной эволюции содержания «индонезийского социализма». Предотвращение дальнейшего развития отмеченных выше процессов невозможно без революционной реорганизации государственного аппарата и последовательного осуществления демократических преобразований.

В революциях прошлого (до возникновения в мире социалистической системы) все попытки революционно-демократических диктатур претворить в жизнь мелкобуржуазные социалистические идеи приводили в конечном счете к утверждению господства буржуазных производственных отношений и буржуазных диктатур. Отсутствие иного исторического прецедента приводило к тому, что грань между понятиями «мелкобуржуазная демократия» и «буржуазная демократия», «мелкобуржуазная диктатура» и «диктатура буржуазии» как бы стиралась. Однако даже неизбежность капиталистического развития в прошлом не может служить доводом для того, чтобы игнорировать различие субъективных и объективных моментов в историческом развитии. Такое игнорирование уведет в сторону от подлинной научности и будет иметь своим результатом искажение роли различных классов, слоев и отдельных политических деятелей в той или иной революции.

В этой связи определенный интерес представляет вопрос об оценке социально-политической роли суньятсеновского социализма в китайской революции, послужившего, в сущности, платформой, на которой развертывалось освободительное движение в Китае в первой четверти настоящего столетия. Сунь Ят-сен, объективное значение идей которого не выходило за рамки буржуазно-демократических преобразований, являлся по своим личным устремлениям социалистом. Он искренне выступал против капитализма, разоблачал его пороки и стремился к утверждению социалистического государства, чтобы не допустить капиталистического развития Китая⁹. Но, недооценивая уровень капиталистического развития и степень классовой расчлененности китайского общества, считая, что «в Китае пока капитализм нет», Сунь Ят-сен надеялся «заблаговременно принять меры» и решить «величайшую задачу предотвращения социальной революции в будущем»¹⁰. Он искал спасения от зол капитализма не в классовом размежевании и классовой борьбе, а в попытках

⁹ См., например, Сунь Ят-сен. Избранные произведения. М. 1964, стр. 127, 133, 563—655.

¹⁰ Там же, стр. 125, 128.

избежать всякого обострения этой борьбы, апеллируя поэтому ко «всему народу», ко «всей нации», то есть и к буржуазии. Своих социалистических целей он стремился достичь методами и средствами демократической революции, которые неизбежно привели бы к более широкому развитию капитализма в Китае. Ошибка Сунь Ят-сена, стало быть, состояла не в том, что он ставил вопрос о миновании капитализма, а в том, как он его ставил, именно в его стремлении миновать социальную революцию, то есть избежать классового размежевания и классового сдвига в руководстве революцией, без чего всякое «минование капитализма» становится утопией. Мелкобуржуазный социализм, «смешивая или сливая воедино условия и задачи действительного демократического и фантазированного социалистического переворота»¹¹, отмечал В. И. Ленин, идеализирует преобразования, не выходящие из рамок мелкобуржуазных отношений. Именно поэтому Ленин и называл социализм Сунь Ят-сена субъективным¹².

В то же время было бы неверно рассматривать Сунь Ят-сена как «представителя национальной буржуазии». Подобная оценка отражала бы лишь объективное социальное содержание доктрины Сунь Ят-сена, но оставила бы в стороне субъективные моменты: во-первых, мотивы и личные устремления автора, лежащие в основе разработанной им теории, и, во-вторых, вытекающую из этих устремлений возможность трансформации социального содержания самой программы. Сунь Ят-сен был выразителем чаяний не буржуазии вообще, а революционной мелкой буржуазии. Ведь не случайно В. И. Ленин сравнивал его с народниками и называл его представителем «боевой и победоносной китайской демократии», «революционным демократом»¹³. Поэтому важно не упустить коренное, классовое различие между либеральной буржуазией и мелкобуржуазной демократией, различие которое «лежит неизмеримо глубже всяких «программ», ибо программы выражают только то, что *думают* передовые люди класса о его задачах и его положении»¹⁴. Конечно, будь программа Сунь Ят-сена реализована, она привела бы к развитию капитализма. Тем самым Сунь Ят-сен объективно выражал интересы буржуазии. Но он был бессознательным выразителем интересов буржуазии, а не непосредственным ее представителем. В его боевом и искреннем демократизме находили свое отражение «горячее сочувствие трудящимся и эксплуатируемым, вера в их правоту, в их силу»¹⁵, и это отличало его от лицемерного либерального демократизма, который боялся движения народных масс и демократии больше, чем внутренней и внешней реакции.

Может возникнуть сомнение: какое практическое значение имеет различие субъективных намерений, коль скоро объективным результатом в обоих случаях может быть лишь капитализм? И все же дело именно в практическом различии. К капитализму можно прийти по-разному: например, так, как это произошло в Германии, или так, как во Франции. Последовательное осуществление демократической программы Сунь Ят-сена обеспечило бы Китаю наиболее глубокое и быстрое капиталистическое развитие по сравнению с либерально-монархическим путем. Момент искренности субъективных устремлений революционной демократии в нашу эпоху имеет еще и другое очень важное значение. К. Маркс подчеркивал, что нельзя полностью отождествлять политических и литературных представителей класса с тем классом, который они представляют. «Равным образом, не следует думать,— писал он,—

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 11, стр. 284—285.

¹² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 403.

¹³ Там же, стр. 400, 402.

¹⁴ Там же, стр. 240.

¹⁵ Там же, стр. 401.

что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение»¹⁶. Отмеченная Марксом относительная самостоятельность политических и литературных представителей класса составляет основу возможной трансформации социального содержания их идей и программ. Это явление особенно характерно для мелкобуржуазной демократии в силу двойственного характера представляемого ею класса.

В эпоху восходящего развития капитализма преобладающей исторической тенденцией эволюции мелкобуржуазной демократии был ее переход (чаще всего тщательно маскируемый фразеологически) в лагерь либеральной буржуазии. Но и в те времена подобная перспектива не была ни единственной, ни, следовательно, фатально неизбежной. Но даже случаи, когда отход революционной демократии от мелкобуржуазных позиций не приводил ее непосредственно в лагерь пролетариата, не означали, что она обязательно кончит союзом с либералами. Характерную фигуру в этом отношении представлял собой русский революционный демократ А. И. Герцен. В. И. Ленин писал, что «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом», что эта «остановка» и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 года (во Франции). Однако отход Герцена от мелкобуржуазного демократизма не привел его в лагерь либерализма. «Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал *«собирать полки»* пролетариата, объединять *«мир рабочий»*, «покидающий мир пользующихся без работы!»¹⁷.

Конечно, Сунь Ят-сену (как и Герцену) были свойственны «отступления от демократизма к либерализму». Однако для полной, а следовательно, и достоверной оценки его общественно-политического лица необходим учет не только этих «отступлений от демократизма», а и общей тенденции эволюции его мышления. Анализ же этой общей тенденции показывает, что демократ в Сунь Ят-сене брал верх. Потерпев в первый период после революции 1911 г. неудачу в попытках реализовать свою утопическую социалистическую, а на деле буржуазно-демократическую программу, он так же обратил свои взоры не к либералам, а к трудящимся массам Китая и к первому в мире социалистическому государству — Советскому Союзу. Сунь Ят-сен не изжил (точнее, не успел изжить) до конца своих мелкобуржуазных иллюзий. Однако его настойчивое стремление опираться в дальнейшей революционной борьбе на народные массы, на сотрудничество с компартией, его глубокая убежденность, что революция в Китае «немыслима без изучения опыта России», что «дальнейшая революционная борьба нашей партии будет безрезультатной, если мы не будем учиться у России», наконец, его решительная уверенность в необходимости «размежевания» с либеральствующими и антисоветскими элементами в собственных рядах¹⁸ — все это и многое другое наглядно показывает, в каком именно направлении эволюционировало мышление этого великого революционного демократа.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 148.

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 256, 257.

¹⁸ Сунь Ят-сен. Указ. соч., стр. 502—504.

В современную эпоху мир является свидетелем не только эволюции мышления отдельных представителей мелкобуржуазной демократии в сторону научного социализма, но и развития мелкобуржуазных диктатур в ряде стран Азии и Африки по некапиталистическому пути, к социализму. Изменилась не природа мелкобуржуазной демократии, не присущая ей классовая раздвоенность. Изменились и продолжают изменяться всемирно-исторические условия ее эволюции, определяющие все более широкий поворот демократии к социализму. Временные диктатуры трудящихся в буржуазных революциях прошлого (в том числе и мелкобуржуазные диктатуры) объективно были обречены либо на физическое уничтожение (свержение), либо на политический крах (перерождение). Все «краткосрочные диктатуры трудящихся», по выражению В. И. Ленина, очень скоро скатывались назад¹⁹. Это происходило потому, что с утверждением диктатуры «низов» возникало несоответствие характера политической власти существовавшим тогда общественно-экономическим условиям. Такое несоответствие не могло продолжаться бесконечно. Новая политическая власть могла окончательно укрепиться, лишь опираясь на свой собственный базис. А диктатуре трудящихся в революциях прошлого не на кого было опереться в создании нового базиса. Современные же национально-освободительные революции развертываются в эпоху, когда, с одной стороны, в Европе обобществление труда в ходе капиталистического развития достигло уже своей кульминации, с другой — имеется возможность опереться на поддержку и сотрудничество стран социалистической системы. Именно в этом кроется важнейшее различие исторической роли прогрессивных «мелкобуржуазных социализмов» прошлого и настоящего.

¹⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 140.